

Щедрость таланта

В ПЕРВЫЕ я увидел Айбека зимой 1937 года, когда в числе других начинающих литераторов Узбекистана участвовал во встрече с ним. Он рассказывал об уроках русской классики, о народных источниках великой поэзии А. С. Пушкина.

Тогда Айбек и сам был тридцатилетним молодым писателем с волнистой черной шевелюрой, еще не успевшим написать ни романы «Священная кровь» и «Навои», ни известные теперь поэмы «Хамза» и «Бахтигуль» и Сагындык. Но уже в те годы он поражал необыкновенной эрудицией ученого, глубочайшей духовной культурой. Мы знали, что Айбек создал хрестоматию по древнегреческой литературе, являлся одним из лучших знатоков истории Востока, переводил русскую классику. Мир его интересов просто ошеломлял нас. Я, в те времена еще юноша, живший под волнующим впечатлением от лирики и первых поэм Айбека, после той встречи стал с особым вниманием следить за его книгами, стараясь постичь секреты его поэтической силы, и увидел, с каким поистине неповторимым изяществом и органичностью он преломлял в своем творчестве мотивы пушкинской народности и романтики раннего Горького.

Айбек создал около двадцати поэм, для которых характерны прежде всего напряженный сюжет, резкие конфликты, выпуклые, сложные и противоречивые образы. Его всегда живо интересовало по-пушкински яркое выражение человеческих страстей, драматических столкновений противоположных сил добра и зла. О забвении этих традиций поэта в последние годы можно только сожалеть.

Очень характерно для Айбека такое признание: «Перевел я из «Фауста» и из «Божественной комедии», написал довольно много, но главным в своей работе считаю перевод «Евгения Онегина». Большая любовь к русской поэзии, и в особенности к Пушкину, сказалась на его

тонкой лирике, воспевающей красоту и вечность взаимосвязей человека и природы, могучий дух любви и добра.

Первые встречи с романами «Священная кровь» и «Навои» забываемы в жизни каждого узбекского читателя. А для нас, тогдашних молодых, «заболевших» литературой, это были, можно сказать, дни становления творческой судьбы.

Почти полвека прошло с тех пор. Много воды утекло. Жизнь наша, полная чудес разума и творений рук человеческих, ушла далеко вперед. Но берешь в руки романы Айбека, и волнуют они так же, как и в те годы. Образ Юлчи из «Священной крови» — это выражение национального и классового самосознания народа. За образом Навои — сложнейшая эпоха и ее передовые идеи. Характеры этих героев вырастают во всей драматичности и противоречиях времени, олицетворяя созидательные силы и творческий гений народа.

Не зря бурно спорили о жанре романа «Навои»: исторический он или историко-биографический? Новым для нашей литературы было само превращение биографии крупной личности в летопись его эпохи. Да и вряд ли только желание создать художественное описание жизни великого поэта могло привлечь внимание Айбека к столь далекой истории. Нет, он с самого начала задался целью открыть реальные народно-исторические источники поэтического дара и светлого гуманизма Навои.

Романист смело идет на встречу самым сложным, за-

путанным ситуациям. Навои и султан Байкара — друзья и ровесники, но в то же время они резко противоположны во взглядах на жизнь. Оба стремятся к единой цели — созданию сильного централизованного государства, но пути их совершенно различны. Известно, что описание многосложных событий и эпизодов, возникающих в такой ситуации, под силу не всякому художнику. Эпическая глубина и последовательная историчность творчества Айбека, его мастерство в обрисовке характеров, богатство

лишь его поэма «Дильбар — дочь эпохи», стихотворная повесть «Месть» — о трагедии юной узбечки Лейли и другие.

«Эта тема имела сложившуюся традицию, идущую от Хамзы, — писал Айбек, — мимо этой важнейшей в наших условиях проблемы не прошел ни один советский узбекский писатель». В становлении традиции решающую роль сыграл и сам Айбек. Его Гульнар и Камиля из романов «Священная кровь» и «Ветер золотой долины», Гули из поэмы «Навои» стали нарицательными, олицетворяющими женскую преданность, нежность и душевную красоту.

Благодаря Айбеку сразу после войны широко вошла в узбекскую литературу международная тематика. Сердце большого писателя чутко отзывалось на тревоги мира. Таковы его повесть «В поисках света», поэмы «Зафар и Захра», «Глашатаи правды», «Ганы наших дней».

Известны в Ташкенте и всегда многолюдны двор и дом Айбека в рабочем квартале старого города. Здесь в тени деревьев он любил отдыхать и предаваться раздумью, беседовать со своими многочисленными учениками. Здесь мы чествовали и поздравляли его с присуждением ему Государственной премии СССР. Дом и двор превратились теперь в литературный музей. Под ивой воздвигнут великодушный памятник: как бы в раздумье встречает нас любимый учитель.

Дом-музей занимается собиранием и изучением творческого наследия писателя. Ведь остались незавершенными более десяти его крупных эпических, драматургических и поэтических произведений. Чрезвычайно интересен замысел незаконченного романа на современную тему о преемственности поколений — «Студенты». Очень ценен собранный Айбеком, прекрасным знатоком истории и культуры Древнего Востока, богатый материал о народном герое XIII века Махмуде Тараби. Неоконченной осталась поэма о Бабуре...

Углубленное изучение наследия Айбека все более раскрывает перед нами неистребимую силу духовного деяния мыслителя и художника. Жизненный путь Айбека — это символ гигантского труда и неустанных творческих поисков. Перед памятью таких людей мы чувствуем себя, как перед жизненным экзаменом на творческую зрелость.

Аскад МУХТАР

ТАШКЕНТ